

Magdalena

Анн Паувяли, владеющая умиротворяющей эстетикой и чистым графическим языком, создала микрокосм, черпая вдохновение в близкой ее душе среде обитания — Таллинском районе Ыйсмьяэ. Предметы повседневного обихода, лишённые функций геометрические объекты и цветочные пятна рассыпаны по площади, выдержанной в нежных чистых тонах и напоминающей поле для мини-гольфа. Ыйсмьяэский пруд превратился в освежающую каплю голубого масла посреди тарелки с бетонной кашей.

Чистые цвета, овальные формы и веселая игривость имеющей четкие границы безопасной среды вернули меня в детство. Мне вспомнились картинки, которые мы с сестрой девочками рисовали в программе Microsoft Paint на огромном настольном компьютере отца. Это было обычным делом, мы занимались им не раз. Сестренка и я изображали нашу семью в виде медведей, используя только форму круга, которую можно было растягивать в овалы разной длины, чтобы приделывать медведям руки, ноги, уши и носы. Примерно так:

Эти овалы потом можно было с легкостью раскрасить с помощью инструмента Fill with colour так образом, что цвет не выходил за границы рисунка — что нередко случалось при раскрашивании картинок фломастерами. Выбирая формы и цвета, созданные в компьютерной программе, и каждый раз складывая из них практически одно и то же изображение, я испытывала радость, совершенно отличную от той, что доставляло мне обычное рисование. Это занятие на компьютере приносило мне полное эстетическое удовлетворение, поскольку ничего нельзя было испортить. А уж если испортишь, то ошибку легко стереть.

Анн тоже собирает свои образы из существующих форм и объектов (которые она, в отличие от меня в детстве, сама заранее создала). Она хранит их в папке на своем компьютере и, создавая свои работы, заходит в эту папку, как в магазин строительных материалов. Черпая вдохновение из объектов, существующих в реальности, или наоборот, реализуя ранее созданные ею графические формы в виде скульптур, Анн выстраивает эту поэтичную, но в то же время стройную систему, одну из частей которой мы видим здесь на полу.

В этой работе меня особенно привлекает противоречие между двупланным цветным оазисом и обрамляющими его объемными серыми бордюрными камнями. Хотя эти простые геометрические формы знакомы нам по графическому миру Анн, отлитые в бетоне, они переходят в гораздо более грубое измерение. Их осязаемая тяжесть, приземленность и неизбежная принадлежность к уличной сфере воспринимаются одновременно и как защитный барьер, ограждающий рай от внешнего мира, и как тюремная стена, за которой насильно удерживают этот хрупкий оазис. Обыгрывая простые формы в нескольких измерениях, Анн создает из планировки района Ыйсмьяэ новую, поистине сказочную схему в виде замкнутого в бетонных границах заманчивого, полного зелени микрокосма.

Текст:

Художник:

Paivoli

Maavik

Magdalena

Старый город Таллинна полон магазинов и бутиков, торгующих золотом, янтарем, мишурой, матрешками, коваными сувенирами и керамикой. Для обычного круизного туриста не имеет значения, какой сувенир он увезет домой и насколько его приобретение связано с местной культурой. Зачастую многие из них даже не знают, в какой стране они находятся в данный момент, или что Прибалтика вообще-то состоит из разных государств. Этот вымощенный булыжником сказочный городок для них всего лишь небольшая остановка перед посещением знаменитого Санкт-Петербурга. Крошечный ганзейский городок, каких много в Германии, где они побывали во время предыдущего круиза. Или это была Латвия? Польша? Is this Riga? Oh, Thallinn? Or Tälinn? Well anyway, it's just amazing!

Но этой весной все пошло не так. Исчезли привычные ежегодные толпы туристов, Старый город зиял пустотой. Пропали гиды с зонтиками, бодро возглавлявшие группы престарелых американцев, японцев, немцев или китайцев. Толпы людей, прибывающих на круизных лайнерах, не создавали пробок на узких мощеных улочках. Даже финский язык не звучал среди местных средневековых стен. Насладиться покоем не позволяло лишь осознание того, что крошечные предприятия старого города и сувенирные лавки, вероятно, не переживут этого затишья. Так и вышло, они начали закрываться. Почти на каждом окне красуется табличка «сдается». На плаву держатся лишь роскошные магазины, торгующие янтарем, которые, как и их товар, способны просуществовать миллионы лет.

Анна Мари Лийвранд в своей работе анализирует кокетливый и манящий характер рекламы. Вдохновившись металлическими рекламными табличками малых предприятий в Старом Таллинне, она создала изящные кованые изделия, которые подобно сказочным блуждающим огням, заманивающим ничего не подозревающих путешественников в топь, увлекают клиентов в свои сети. Таинственно светящиеся скрюченные металлические пальцы вырастают из серых стен и трещин в штукатурке домов изголодавшегося по покупателям города, напоминая последнюю мольбу отчаявшегося наркомана. Но напрасны их попытки привлечь внимание спешащих на работу или домой горожан, ведь те не смотрят на витрины магазинов, когда попадают в Старый город. Известно, что мы демонстрируем высший пилотаж при преодолении полосы препятствий из зазывал и рекламных табличек.

Художник:

Текст:

Maavik

Magdalena

Глядя на этот белый город, я сразу вспоминаю «Белый город», один из самых удручающих финских фильмов. Я увидела этот шедевр Аку Лоухимиеса в безмятежном детстве и все, что я могу вспомнить — это гнетущее депрессивное настроение и сцену, где человек, живущий в тихом заснеженном районе, застроенном частными домами, в порыве отчаяния убивает ударом об стену морскую свинку своего маленького сына. Финское кино во всей тоске.

Город, построенный Яссем, напоминает морозный и темный Хельсинки Лоухимиеса, где между домами завывает ветер, а за окнами нет ничего, кроме рутины и безнадежности.

Интересно, может ли кто-нибудь жить в этом миниатюрном спальном районе? Возможно ли, что за повторяющимися панелями и повторяющимися квадратами окон этих повторяющихся зданий скрывается какая-то особенная квартира, полная цветов и узоров? Чье-то личное и индивидуальное пространство — жилище, имеющее свое лицо? Я изо всех сил стараюсь представить себе это, но тщетно. «Белый город» гасит любой проблеск надежды.

Мрачная пустота сочиться из десятков оконных глазниц девятиэтажных панельных зданий. В этом городе никто не живет. Здесь можно лишь анонимно существовать и ждать, когда пройдет время. За окном следует окно, за этажом этаж, за домом дом. Оконные рамы и стеновые панели образуют многоуровневые геометрические ландшафты и клинически монохромные виды ни для кого.

Три башни балансируют на грани между скучными новостройками и заброшенным спальным районом, они как бы плывут на тесном квадратном островке, с которого нельзя сбежать. Прямые улицы между домами ведут только от дома к краю острова. Я обхожу дома, поднимаюсь и спускаюсь по лестницам. Тишина. Никого нет дома. Уныние опускается на город, как ноябрьский снег. Слегка неровные стены трещат в ледяной хватке мороза.

Стоя на краю острова, я замечаю еще один такой же город на другой стороне залива. Совсем как зеркальное отражение. Те же безжизненные здания, те же пустые окна, те же повторяющиеся формы.

Город кажется таким близким, но добраться до него невозможно. По крайней мере сейчас. Острова, на которых построены оба города, разделены глубокой пропастью.

В общем одиночестве они, как зеркала, отражают безмолвное существование друг друга.

Архитектор, похоже, посмотрелся финских фильмов.

Художник:

Текст:

Maavik

Magdalena

В своем телесно-цифровом (phy-gital) перформансе ИТ-художница Йоана Чикау сочетает поэзию, написание кода и хореографию, раскрывая значение копирования в контексте свободной культуры. Созданный ею сайт производит текст, который бесконечно прокручивается, прокручивается и прокручивается, копируя сам себя. Чем больше он копирует, тем больше прокручивается. Каждая строка начинается со слова «если». Таковы условия. Условия копирования. Йоана составила копилефт, «авторское лево» — лицензию, которая позволяет использовать оригинальные (исходные) работы при создании новых (производных) работ без получения разрешения владельца авторского права. Существование бесконечных условий наряду с принципами свободной культуры может поначалу показаться противоречивым, но если приглядеться, все становится понятным. Безусловная свобода — это свобода не для всех.

Йоана уже давно вставляет в сухие тексты технологических правовых документов поэтические строфы и слова, которые делают скучный текст более творческим, создавая из него своего рода манифест имеющей свои условия свободы. Текст и код, двигаясь в ритме копирования и прокрутки в информационном ландшафте, создают динамический танец, который программа и человек исполняют вместе. Чтобы сделать этот процесс еще более «мета», Йоана делает общедоступным для пользования и копирования созданный ею в ходе перформанса код — отпускает его на свободу.

Художник:

Текст:

Maasik

Magdalena

В середине площадки натянута ткань, разбивающая зрителей на два лагеря.

На ткани нарисованы странные и бесформенные младенцы огромных размеров.
Хрупкие, прозрачные, расплывчатые.

Ткань, в свою очередь, рассечена по всей длине протяжной, почти затянувшейся раной, которая уже, кажется, покрыта защитным струпом.

Кто-то говорит, что младенцы на ткани символизируют начало жизни — *tabula rasa* или «чистая доска», с которой мы все начинаем свой путь, прежде чем выбрать, с какой стороны стадиона мы окажемся.

Люди ощущают беспокойство.

«Значит, эта рана символизирует фатальный разрыв между двумя сторонами?» — спрашивает один из зрителей.

Собравшиеся на площадке люди пытаются осмыслить ситуацию.

Кто-то оптимистично предполагает, что, возможно, композиция означает детскую радость и простодушие. Ведь главное — это радость от игры, а не победа в ней.

Другие кивают с улыбкой, но на самом деле все уже знают, что речь идет о состязании, в котором может быть только один победитель.

Поначалу осторожно передвигаясь и подыскивая подходящее место, люди начинают выбирать сторону, которую намерены занять. Они внимательно наблюдают за тем, какую сторону выбирают другие, с кем стоит играть в одной команде.

Люди смотрят на стоящих на другой стороне площадки, изучая сквозь тонкую ткань их напряженные лица. Игроки обеих команд нервничают.

Противники ли они? Или даже враги? Возможно, все было бы намного проще, будь они всего лишь участниками игры? Успеет ли рана затянуться, пока идет игра? И каковы ставки в этой игре? Может быть, жизнь и смерть? Или ставка — будущее детей, которые парят над старой раной по ту сторону площадки? Есть ли в этой игре победители?

Или она будет длиться вечно, просто меняя игроков по ходу игры?

Смогу ли я доиграть до конца?

Ни один из зрителей не осмеливается бросить мяч первым. Никто не хочет делать первую подачу. Может быть, ни у кого просто нет мяча? Растерянные игроки начинают беспокоиться. И вообще, где судья?

Первая подача.

Мяч со свистом летит по воздуху. Рев, удар, свисток. Скрип подошв по паркету.

Прерывистые шаги, капли пота, глухие удары, свисток.

Пауза. Свисток. Все сначала.

Игра напряженная, и стороны равны. Никто не сдается. Поддача, удар, снова удар, свисток.

Игроки устали и совершают много ошибок. Поддача, удар, еще удар, свисток.

За счетом уже никто не следит.

Новая резкая подача, удар, провожаемый испуганными взглядами мяч свистит в воздухе, рев и...

Мяч в сетке. Он попал в самый ее центр.

Рана рвется.

Под взглядами безмолвных игроков на пол площадки стекают нити окрашенной пряжи.

Звучит финальный свисток.

Художник:

Текст:

Maasik

Magdalena

Марк сочетает в своей работе перформанс, видеоарт, архитектуру, акционизм, скульптуру и зодчество. Он познакомил нас со своей деятельностью и планами через Zoom. Конечно, сложно описать заранее что-то осязаемое, материальное и возводимое прямо на месте. Особенно если процесс создания произведения является фундаментальной частью самого произведения. Основываясь на более ранних работах художника, можно сказать, что он отличается очень определенным стилем и техникой, поэтому, когда Марк Лешелье говорит о первобытной архитектурной функции силикатного кирпича и раствора, о спонтанном скульптурном объекте, который он намеревается создать в Таллинне, можно составить определенное представление о будущем творении. Однако, когда мы смотрим на его более ранние работы в Zoom, мы можем видеть только конечный результат. Тем более интересным становится узнать, как же будет выглядеть его творческая акция. Будет ли она быстрой и грубой или взвешенной и точной? Может быть, он будет рычать и фыркать, весь заляпанный раствором — или мы услышим лишь дыхание сосредоточенного человека и тихий стук камней, которые складываются в стену? Фотографическая документация работ позволяет предположить и то и другое. Некоторые сооружения довольно топорны и неровны — как будто, начиная строительство, художник не знал, как пойдет кладка. Другие же постройки продуманы и скульптурны, они как-будто возведены в соответствии с предварительно подготовленным макетом. Но все созданные Марком строения, даже с экрана, излучают мощь и необузданную энергию.

Мне вспоминается перформанс Бриджет Полк «Балансируя скалы и бульжники», который мне посчастливилось увидеть этим летом на Рижской международной биеннале современного искусства RIBOCA2, в ходе которого художница на глазах у зрителей строила невероятные башни из найденных тут же обломков кирпичей и строительного мусора. Медитативная и молчаливая балансировка камней кажется полной противоположностью «непосредственному строительству» (direct construction), как называет Марк свой творческий процесс, но я все же вижу в них много общего. Обоих художников характеризует баланс. Он может быть тихим или напористо-демонстративным, но, по моим ощущениям, баланс присущ обоим художникам. Их свободное самоопределение, понимание роли художника также как архитектора и человека, приводящего камни к равновесию, дает им возможность взглянуть на скульптуру как таковую более широко, чем это было принято раньше. Бриджет и Марк оба сами физически присутствуют среди своего материала — камней, кирпичей, раствора и пыли. Они творят собственным телом, оставляющим следы. И когда мы смотрим на результаты творческого процесса обоих художников, мы все еще ощущаем присутствие их создателей.

Художник:

Текст:

Maavik

Maavik

Leshelie

Magdalena

Торговый центр Т1, почти вымерший капиталозавр — памятник потребительскому безумию эстонцев, воздвигнутый в период расцвета торговых центров, который, несмотря на сияющее огнями колесо обозрения на крыше, потихоньку пустеет, теряя своих арендаторов. Глядя на это гигантское здание, грустно и смешно думать, что еще недавно был в силе план строительства еще одного огромного, крупнейшего в Эстонии торгового центра в Ласнамяэ. Тот давно известный факт, что на душу населения в Эстонии приходится больше торговых центров, чем где-либо еще в мире, похоже, никого не смущает. Возможно, так мы компенсируем свои воспоминания о пустых полках и длинных очередях... Как ни странно, впервые в жизни посетить торговый центр Т1 заставило меня произведение одного бельгийского художника, критически рассматривающее потребительскую культуру и бренд-менеджмент.

Т1, конечно же, является идеальным местом для центра обработки данных NO BULL, который заигрывает с элементами перформанса и платформы, созданной для презентации очередного товара. В этом девиантном шоу-руме смешиваются бренды, интеллектуальный анализ данных, энергоэффективность, технологии и социальные сети. Однако демонстрируемый NO BULL Energy — это не просто энергетический напиток. Это продукт как образ жизни, ковровая дорожка, статус — одним словом, билет в общество небожителей. Границы между капитализмом и искусством стираются довольно быстро. При этом сама физическая природа рекламируемого продукта не особенно важна, это может быть как новый электромобиль, так и смартфон или коллекция одежды. Главное — это сам процесс раскрутки и продвижения и задействованные в нем приемы.

Используя в качестве инструментов такие качества, приписываемые поколению «снежинок», как поверхностность, зависимость от социальных сетей, поклонение технологиям и объектам, а также двуличное отношение к проблемам окружающей среды, Питерьян приглашает всех принять участие в новом со вкусом оформленном мероприятии — презентации энергетического напитка, который может понравиться как привилегированным инфлюенсерам, так и крайне левацки настроенным изучающим искусство студентам, и поэтому остается непонятным, для кого же этот напиток на самом деле предназначен.

Сам художник говорит, что это арт-проект, замаскированный под коммерческий или бизнес-проект... или наоборот (ведь продукт настоящий, а на вкус довольно мерзкий) — все зависит от того, какой путь к отступлению ему нужно использовать в данный момент. Иронизируя над культурой потребления и поп-активизмом, молодые художники-атлеты, которые принимают участие в мастер-классе Питерьяна, с головой погружаются в поверхностность и во время этого путешествия создают удивительно неповерхностный конечный результат. Что-то очень раздражающе капиталистическое деконструировано, стереотипные модели поведения реапроприированы в художественной работе. Пребывая в этом пространстве и в самом деле начинает казаться, что где-то здесь наблевали Tesla и Instagram.

Художник:

Текст:

Maavik

Magdalena

Посреди комнаты стоит алюминиевая коробка. Из коробки, подобно Венере из морской раковины, рождается человек. Это Человек нестандартный. В своем крошечном алюминиевом мире он — единственная единица измерения. Его квадратный мир выстроен по его размерам. Каждая сторона и ребро куба учитывают длину, ширину и гибкость частей его тела. Это среда, основанная на индивидуальных потребностях Человека нестандартного. Многофункциональный предмет мебели, защитная оболочка или персональный измерительный прибор. Если проявить немного фантазии, то и отлично работающий тренажер.

А в мире за пределами коробки обитает Человек стандартный. Ему лет 20–30, он весит 70 кг при росте 170 см; это светлокожий, обладающий крепким здоровьем западноевропейец или североамериканец, и живет он в регионе, где в среднем 10–20 градусов тепла. Весь остальной мир создан по меркам этого человека.

Человеку стандартному уютно и безопасно в этом мире. Он всегда отлично видит. У него почти нет проблем со спиной и суставами. Его кровать никогда не бывает слишком короткой или узкой. Ему никогда не давит ремень безопасности в автомобиле. У него самые высокие шансы выжить в автомобильной катастрофе. В его офисе всегда комфортная температура. В дорожном движении его потребности учитываются в первую очередь. Он всегда может попасть туда, куда нужно. Он может дотянуться до любой вещи на полке. И поэтому у него низкий уровень стресса. Человек стандартный стоит прямо, ноги вместе и руки по швам, разводит ноги и руки и точно вписывается в идеальный круг или квадрат. Его тело можно мысленно разделить ровно на восемь частей, которые учитываются всеми дизайнерами и архитекторами. Стандарты устанавливаются по его размерам. Человек стандартный считает, что таких, как он, в мире большинство, и поэтому все в порядке. Все остальное — это отклонение, атавизм, исключение, причуда, аномалия, несоответствие.

Человеку же нестандартному нужно самому создавать собственную среду, деконструируя пространство Человека стандартного.

Текст:

Maasik

Художник:

Ката

Син

Magdalena

Вы видите перед собой игровую площадку, но не только! Это инновационная игровая площадка, которая лучше всех других игровых площадок. Или, по крайней мере, очень особенная, потому что она позволяет решать социальные проблемы современного общества, для чего обычные игровые площадки просто не приспособлены. Это Игровая площадка с большой буквы. Здесь, на Игровой площадке, где есть настольный мир для взрослых и мир под столом для детей, и большие и маленькие могут играть и проводить вместе свое драгоценное время. Это универсальное устройство, которое одновременно уменьшает разрыв между поколениями и воспроизводит иерархические отношения между ними. Многофункциональный предмет мебели, который одновременно соединяет поколения и разделяет их!

В дневное время Игровая площадка подойдет для активного отдыха детей любого возраста, страдающих от школьного стресса и давления окружающих. Благодаря игровым устройствам, расположенным на столе, которые действуют как каналы связи между двумя мирами, целые семьи также могут ослабить напряжение и отчуждение между членами семьи. А вечером Игровая площадка становится идеальным развлекательным комплексом для любителей вечеринок, которые хотят поговорить и выпить пива на свежем воздухе, а не в опасных закрытых помещениях. Может быть, Игровая площадка станет столом, за которым будут отмечать дни рождения? Вечерами люди будут радостно собираться за круглым столом — женщины и мужчины, старые и молодые — все нарядно одетые, с бутылками в руках.

И вот торт уже съеден, и салат тоже убран со стола. Теперь собравшиеся играют в карты, курят, может быть, кто-то даже играет на пианино. О маленьком мальчике, в честь третьего дня рождения которого все и собрались, они уже позабыли. Настало время взрослых. Оживленный смех, веселые шутки, торжествующие жесты. Оскар с осуждением глядит на расслабившихся взрослых. Он тихонько забирается под стол, где пока еще может поместиться. Ему уже не позволяют прятаться под длинной, сшитой из плотной ткани бабушкиной юбкой.

Сидя под столом, он разглядывает ноги взрослых. Домашние тапочки, мокасины, туфли, отглаженные брюки, чулки, носки... Одна нога в брючине поглаживает другую ногу в шелковом чулке. Кто-то напорист, кто-то неловко ерзает. Стоптаные каблуки и острые носы туфель говорят на незнакомом и бессловесном языке, как будто бы тайком играют в какую-то эротичную, но при этом скучную игру.

Игра в самом разгаре и за столом. Никто не обращает внимания на Оскара. Разочаровавшись в этой шумной, мелкобуржуазной и непонятной игре взрослых, он берет под мышку свой жестяной барабан, вылезает из-под стола, незаметно покидает компанию больших людей и направляется к распахнутому люку, ведущему в подвал.

...В тот день, думая о мире взрослых и собственном будущем, я решил, что с меня хватит — именно здесь и именно сейчас я перестану расти и останусь трехлетним карликом — навсегда!

Художник:

Текст:

Maavik

Magdalena

Бабушка рассказывала мне, как однажды, на исходе советских времен, она шла по бульвару Ленина мимо памятника Ленину. Она совсем недавно обрела Бога и была спасена. Стоя перед памятником Ленину, она вдруг почувствовала непреодолимое желание что-то сделать. Какая-то высшая сила велела ей пробежать семь кругов вокруг этой статуи с криками: «Именем Господа, ты сойдешь оттуда!» И, несмотря на удивленные взгляды немногочисленных очевидцев, она подчинилась этому призыву.

В суровых по отношению к религии условиях советского режима такой библейский ритуал завоевания Иерихона мог показаться довольно странным, а окажись среди наблюдателей сотрудники соответствующих органов, эта эскапада могла стать даже опасной. Но бабушку это не остановило. Снова и снова рассказывая мне эту историю, она всегда радостно и гордо говорила, что вот, бабка с сумочкой семь раз пробежала вокруг статуи, взывая к Богу, и гляди-ка, Советский Союз вскоре развалился. Спасибо тебе за это, бабушка.

Памятники — это физическое и материальное воплощение наших убеждений, ценностей и верований. Как объекты они могут существовать тысячелетиями, но их значение и положение в современном обществе зависит от меняющихся обстоятельств.

Анн Мирьям и Шимон оба выросли в то время, когда памятники Ленина на бульварах Ленина были низвергнуты с пьедестала; когда изображения Ленина, широко распространенные и серийно выпускавшиеся по всему Советскому Союзу, внезапно потеряли свое значение и пафос; Владимир из бронзы и камня остался без работы. Отсутствие всяческого соприкосновения с этой фигурой и восприятия ее в свое время привели к тому, что для художников статус и влияние этой личности растворились, и она осталась картинкой в учебнике по истории. Ленин так же эмоционально далек от них, как любой древний мегалит. Возведя эти два гигантских культовых объекта на двухмерную лентичную доску, художники полностью освобождают их от сакральности, превращая в гибридную диско-пародию — мегален или ленилит. Они также не особо задумываются о коннотациях, о том, что местоположение произведения может означать для людей, которые старше них на поколение или какие воспоминания оно может вызвать. Да и не должны задумываться. Важен сам монумент как таковой. И растворение монумента в тумане истории. Какими бы крепкими, гигантскими и громоздкими ни были памятники, им всем тяжело бороться со временем. Если не найдется революционеров, мятежников или бабушек, которые их свергнут, любой памятник однажды будет уничтожен забвением.

Художник:

Текст:

Maavik